Ответ на письмо Хельги

Автор:
Бергсвейн Биргиссон

Ответ на письмо Хельги

Бергсвейн Биргиссон

Loft. Скандинавский роман

Бьяртни Гистласон, смотритель общины и хозяин одной из лучших исландских ферм, долгое время хранил письмо от своей возлюбленной Хельги, с которой его связывала запретная и страстная любовь. Он не откликнулся на ее зов и не смог последовать за ней в город и новую жизнь, и годы спустя решается наконец объяснить, почему, и пишет ответ на письмо Хельги. Исповедь Бьяртни полна любви к родному краю, животным на ферме, полной жизни и цветения Хельге, а также тоски по ее физическому присутствию и той возможной жизни, от которой он был вынужден отказаться.

Тесно связанный с историческими преданиями и героическими сказаниями Исландии, роман Бергсвейна Биргиссона воспевает традиции, любовь к земле, предкам и женщине.

Бергсвейн Биргиссон

Ответ на письмо Хельги

Это было ясное утро.

Это было много лет назад.

Они шли вдвоём к восходящему солнцу

и держались за руки.

Они шли к восходящему солнцу,

И каждому казалось, что это его путь.

Теперь у каждого из них свой путь,

И они держатся за руки.

Они держатся за руки

После ясного утра.

Стефаун Хёрд Гримссон[1 - Стефаун Хёрд Гримссон (исл. Stefa?n Ho?r?ur Gri?msson, 1919–2002) – исландский поэт. Первый сборник его стихов «Окно на север» (исл. «Glugginn sn?r ? nor?ur») вышел в 1946 году, второй сборник «Пляска чёрных альвов» (исл. «Svartalfadans») был опубликован в 1951 году, сборник вызвал восхищение читателей и привлёк внимание критиков. Свой третий сборник стихов «Ворота на равнине» (исл. «Hli?in a slettunni») Стефаун Хёрд выпустил лишь спустя девятнадцать лет, в 1970 году, а одиннадцатью годами позже, в 1981 году, появился сборник «Пути» (исл. «Farvegir»). В 1987 году был опубликовал сборник «Связи» (исл. «Tengsl»), номинированный на литературную премию Северного совета. В том же году вышел шестой сборник стихов Стефауна Хёрда «После ясного утра» (исл. «Yfir hei?ann morgun»), получивший исландскую литературную премию, учрежденную Ассоциацией исландских издателей. Сборник «После ясного утра» стал первым изданием, получившим эту премию. Поэзия Стефауна Хёрда переведена на многие языки мира, его стихи опубликованы как в Исландии, так и за рубежом.]. «Они»[2 - Стихотворение из последнего сборника стихов Стефауна Хёрда Гримссона «После ясного утра» (исл. «Yfir hei?an morgun»).] (1989)

Bergsveinn Birgisson

SVAR VI? BRE?FI HELGU

Copyright © Bergsveinn Birgisson

First published by Bjartur, 2010

Russian edition published in arrangement with Immaterial Agents in conjunction with Livia Stoia Literary Agency

© Огуречникова Н.Л., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Дорогая Хельга!

Некоторые люди умирают от внешних причин. Другие умирают от того, что смерть давно вошла в них и распространяется по телу, поражая изнутри. Они умирают все. Каждый на свой лад. Некоторые падают на пол, не закончив фразу. Другие уходят мирно, прощаясь во сне. Как угасает их сон? Так, как будто заканчивается кинофильм на экране? Или сон просто изменяется в одно мгновение, появляются новый свет и новые краски? И ощущает ли это хоть каким-то образом тот, кто видит сон?

Моя Унн умерла. Она умерла во сне однажды ночью, когда никого не было рядом. Да будет благословенна память о ней.

Сам я в хорошей форме, если не считать скованности в плечах и коленях. Старуха Старость делает своё дело. Конечно, бывают моменты, когда ты

смотришь на свою домашнюю обувь и думаешь: придёт день, когда обувь будет стоять на своём месте, но не будет того, кто надел бы её. Однако благоприветствуй этот день, когда он придёт[4 - (исл. en komi hann s?ll ?a? hann vill)Слова представляют собой модификацию последней строки из псалма Хатльгрима Пьетюрссона «О неопределённом времени смерти» (исл. «Um dau?ans ovissan t?ma»), где поэт обращается к Смерти: «Благоприветствую тебя, приходи, когда хочешь» (исл. «Kom ?? s?ll, ?a ?? vilt»). Нередко в качестве названия этого псалма используется его первая строка: «Всё как один цветок» (исл. «Allt eins og blomstri? eina»).Хатльгрим Пьетюрссон (исл. Hallgr?mur Petursson, 1614–1674) – исландский поэт и проповедник; «Страстные псалмы» (исл. «Pass?usalmar») – самое известное сочинение Хатльгрима. К числу «Страстных псалмов» относится и псалом «О неопределённом времени смерти» (исл. «Um dau?ans ovissan t?ma»).], как сказано в псалме. Моя душа всегда была полна жизни. Я почувствовал вкус – жизни. Вот так, моя Хельга.

Ох, я стал несдержанным стариком, и это отлично видно, ведь я стал бередить эту старую рану. Однако у всех есть дверь. И все хотят выпустить через неё то, что внутри. А моя дверь – это старая дверь в загоне для овец, принадлежавшем моему отцу, которого уже нет в живых; солнечный свет проникает туда через щели, его тонкие и длинные лучи проходят между потрескавшимися досками. И если у жизни есть своё место, то это, должно быть, в щели. И так покосилась, потрескалась и расшаталась моя дверь, что она уже не в силах разделять внешнее и внутреннее. И может быть, это как раз благо – такое несовершенство мастера? То, что в его работе есть трещины и щели, которые пропускают жизнь и солнечный свет.

Скоро я отправлюсь в путь, в то великое путешествие в другую общину[5 - Община (исл. hreppur) – единица административно-территориального деления Исландии. В данном случае слово употреблено метафорически.], которое суждено всем людям, милая Хельга. И ещё не было случая, чтобы человек не пытался облегчить ношу до начала такого путешествия. Конечно, слишком поздно писать тебе это письмо сейчас, когда все умерли или по-старчески слабоумны в большей или меньшей степени, но я всё же напишу. Если тебе тяжело это читать, просто выброси мои каракули.

Слова мои идут от доброго сердца. Я никогда не желал тебе ничего, кроме добра, знай об этом, Хельга.

Хатльгрим умер зимой. В последние месяцы он уже не мог глотать из-за рака, и не было возможности что-то просунуть в него, в это его большое тело. Он зачах в больнице, на руках у врачей, и когда я смотрел на него в феврале, это были только кожа и кости. Больно было смотреть. Да будет благословенна память о нём.

Да будет благословенно всё, что пыталось и пытается существовать.

Сын моего брата Мартейн забрал меня из дома престарелых, и теперь я провожу лето в комнате, из которой смотрю на дом, где вы с Хатльгримом жили много лет назад. Я позволяю своим мыслям бродить по округе, по склонам, благоухающим солнечным светом с тех самых пор. Это всё, что сейчас можно делать.

Унн лежала на смертном одре пять лет, четыре с половиной из них она хотела умереть. Я плохо пережил тот период во многих отношениях. И я не понимаю, что с ней случилось. Мало-помалу её добрый нрав как будто переменился и превратился в брань по пустякам. Если я проливал фруктовый сок или задевал вазу с цветами, ухаживая за ней там, в палате, то слышал, что я всегда был «проклятым растяпой» и «не способен справиться ни с какой работой по дому». Возможно, суровый нрав всегда таился в ней, а я узнал о нём только тогда, когда он под конец вырвался наружу?

Она перестала вставать с кровати и не хотела принимать пищу, от лежания в постели и невидимого горя она усохла и превратилась в кости. Прежний свойственный ей дух исчез. Да, дух ушёл из неё. Она была резка на язык и вела себя так, что с ней трудно было иметь дело, с каким бы тщанием за ней ни ухаживали. Это был просто старый человек, к тому же тяжелобольной. И нельзя судить о больном так же, как о здоровом. Я смотрел, как синева в её глазах темнела и чернела, словно небо над горами. Мне казалось, что в этих обстоятельствах я должен был быть там, рядом с ней, и составить ей компанию, как и она мне. Похоже, однако, что она была недовольна своим положением и тем, что пришла в эту жизнь изначально, не удовлетворена тем, как она собой распорядилась. Мне тяжело было слушать её слова о том, что всю нашу совместную жизнь я был отъявленным негодяем, который вёл с ней бесчестную игру. Она сказала, что я никогда не любил её. Ледяным голосом. И опустила глаза.

Я заботился о ней тепло и искренне, как только мог. Покупал ей газеты и коробки шоколадных конфет. Я показывал ей фотографии, где мы вместе на сенокосе, на лугах Грюндир, где старые фермы и жерди для сушки рыбы, прогнувшиеся под тяжестью круглопёра, рыба, подсохшая на ветру; сбор пуха и птенцов на небольших островах; где я снимаю кожу с молодого тюленя или ремонтирую лодку в сарае; где Унн на тракторе Фармэл[6 - Фармэл (англ. Farmall) – одна из моделей первых тракторов, выпущенных американской производственной компанией International Harvester (см. комментарии в сноске 15).] с ящиком молока на заднем плане. Я просто показывал ей весь тот солнечный свет, который мне удалось снять на плёнку своим старым фотоаппаратом в течение жизни. Мы мельком увидели тебя на одной из фотографий, где мы все вместе косили траву; это было ещё до рождения Хюльды. Она указала на тебя. И сказала:

– Ты должен был взять в жёны её. А не такую кладеную овцу, как я. Ты всегда хотел её, а не меня.

Она оттолкнула от себя альбом и смотрела на спинку кровати пустыми глазами. Я сочувствовал ей. Я чувствовал, что люблю эту немощную старую женщину, это умирающее существо, у которого не было практически никого в мире, кто помог бы ей. Я понял, что правильно сделал, прожив с ней на ферме все эти годы. Кто ещё должен был заботиться о ней? Слёзы текли по её щекам маленькими волнами печали. За стенами дома престарелых наступил вечер, и движение на улице стало успокаиваться. Слабый свет фонарного столба проникал в комнату через окно, освещая мокрые от слёз щёки.

Так она умерла. Посреди ночи. Во сне.

2

Старый призрак, который, как я думал, давно упокоился, снова напомнил о себе, вселившись в Унн. Люди в нашем уголке сельской местности пробудили призрак своей вспыльчивостью, глупой и беспричинной. Не Халльгерд[7 - Имеется в виду Халльгерд Длинноногая (исл. Hallger?ur Langbrok), персонаж «Саги о Ньяле». В саге сказано, что Халльгерд была красивой девушкой, но нрав у неё был вспыльчивым и тяжёлым. Нрав Халльгерд раскрывается во многих эпизодах;

в качестве примера можно привести следующие события. В главе 35 «Саги о Ньяле» рассказывается о том, что Халльгерд отказывается уступить место на женской скамье по просьбе Бергторы, жены Ньяля, находясь при этом в гостях, в доме Ньяля и Бергторы; Халльгерд ссорится с Бергторой, а после ссоры она подстрекает своего мужа Гуннара к мести. В главе 37 «Саги о Ньяле» рассказывается, как Халльгерд отказала в помощи своему мужу Гуннару, вспоминая о полученной от него пощёчине, после чего Гуннар погиб, но до момента своей гибели Гуннар сказал Халльгерд, что «всякий по-своему хочет прославиться». Халльгерд была известна как ненадёжная, неуступчивая и неспособная прощать женщина, которая принесла много горя, сгубила своих мужей и стала причиной ряда убийств.] ли вселилась в Унн, эта дурацкая исландская привычка тянуть за собой прошлое и ничего не прощать? В доме престарелых я сделался «прелюбодеем», «шарлатаном», «откровенным двурушником», и Унн начала в мельчайших подробностях рассказывать мне о похотливом удовольствии, которое я получал при каждой встрече с тобой. Это заставляло меня, мягко говоря, стыдиться, и истинной милостью было то, что немногие могли слышать её крики о том, как я брал тебя, подходя сзади, вожделенно ощупывал твои тяжёлые груди и толкал тебя с такой силой, что твои ягодицы шлёпались одна о другую. Именно так она и говорила: «тяжёлые груди».

Находившие на неё припадки заканчивались рыданиями, и тогда она в самоуничижении называла себя обездоленной кладеной овцой. И хотя она говорила, что я лентяй, который никогда не мог управиться ни с финансами, ни с домашним хозяйством, – ты знаешь, Хельга, что работа всегда горела у меня в руках, за исключением той недели, когда я лежал в постели с пневмонией и болезнь мучила меня меньше, чем обвинения, сыпавшие соль на мою давнюю рану, причиной которой были сельские слухи.

Какое же событие разожгло слухи, событие не имевшее места, но с последствиями настолько ужасными – нет, даже худшими, как если бы событие действительно произошло? И можно ли провести грань между тем, что происходит на самом деле, и тем, что будто бы произошло, по словам клеветников, развалившихся на кухнях в возбуждении от кофе, инсинуаций и болтовни о других? Что не произошло в тот праздник Святого Ламберта в 1939 году – но в то же время произошло в умах болтунов?

Возможно, это произошло, когда все спустились в Долину Алтарной Реки и обогнули возвышенность Открытого Мыса, и тут я якобы медленно спустился к

тебе в травянистую лощину у Берега Каменного Дома. И по слухам, мы шли вместе и говорили о том, какой красивой была овечья шерсть в тот год, когда овцы спустились с гор, о том, что на брюхах у ягнят шерсть была белой, как снег, о том, какие они упитанные и какой открытый у них взгляд. А я как смотритель общины Алтарной Реки в том году не опасался, что фермерам не хватит корма для овец, ведь сенокос шёл так хорошо. А потом – ах, да – я вспомнил, как выглядело твоё клеймо: одно – полукруглое по бокам с острым треугольным кончиком сверху, другое – полукруглое с ласточкиным хвостом сверху и треугольным вырезом внизу с обеих сторон. И ты в очередной раз спросила меня, как выглядело моё клеймо: верхний прямоугольный обрез слева, ласточкин хвост на кончике и неглубокий вырез справа? Точно. Потом мы будто бы говорили о баране Басси, которого позаимствовали на востоке, на ферме Проток, мы упоминали его мощную грудь и мускулистый хребет. И когда обсуждение Басси закончилось, наша кровь закипела в сладострастии, я дотронулся до твоих локонов, сравнив их со снегом, спускающимся по горному склону, а ты засмеялась и сказала: «Ох, Бьяртни!»

Затем я, по-видимому, поцеловал тебя, и имело место какое-то перевозбуждение, и я некоторое время нервно ощупывал тебя, прежде чем спустил брюки, а ты подняла свой свитер и обнажила грудь, и затем мои молочно-белые бедра опустились на твои. В тот момент свистел кроншнеп, и воздух был исполнен насыщенного запаха вереска, и мы двое – несчастные животные в лощине – на пару мгновений слились воедино в затухающих колебаниях, и белое густое семя потянулось с внутренней стороны твоего бедра к нескольким стеблям сухой травы, которые были единственными свидетелями внезапно охватившего нас пламени.

По-видимому, произошло именно это.

Разве есть какие-то сомнения в том, что подобное могло произойти? Разве вся природа не устроена так, чтобы непредвиденные события, такие, как эта случайная встреча, могли иметь место?

И, вероятно, люди по своему обыкновению были заняты кухонными инсинуациями. Однако это не причинило бы никакого вреда, потому что я был бы кроток и смиренно умолял бы свою Унн о прощении за этот ошибочный шаг, и она, несомненно, справилась бы с этим. А моя горячность сделала бы врагами всех, кто захотел бы обидеть меня после того, как распространился слух. В попытке искупить вину я окружил бы Унн ещё большей заботой и нежностью и

утвердился бы в мысли о том, что земная жизнь – это не сотрясание чужих животов, а любовь и забота о самых близких людях. Занявшись любовью, мы с тобой удовлетворили бы свою похоть, тем самым исключив её из поля зрения, и я смог бы заняться другими делами, думая о другом.

В действительности этого не произошло. Мы не были вместе в лощине, как думали распространители слухов – ты знаешь, как это было, – после поисков овец мы спустились с гор очень поздно и встретились на перевале, над овечьим загоном. Поэтому мы шли вместе вниз по склону. Однако этого было достаточно, чтобы в умах людей возымело место событие с сопутствующими вздохами и выдохами. С другой стороны, кто может помешать человеку размышлять таким образом? Итак, слух о нашей похотливой распущенности распространялся, как огонь по сухостою, пока сплетни не дошли до моего дома. Однажды весной я вошёл в дом, чтобы укрыться от пронизывающего ветра, потёр руки и вздохнул. Входя на кухню, где Унн стояла, склонившись над своими горшками, я сказал, что никогда ещё не было так холодно.

– Пойди и займись любовью, чтобы согреться, – я уверена, что она ждёт тебя, расставив ноги.

В первый момент я был ошеломлён её посланием. Потом пришёл в ярость. Я ударил Унн по лицу и велел ей следить за языком. Она покраснела. Потом стала плакать навзрыд, называя себя несчастной кладеной овцой, и сказала, что не понимает, почему я держусь за неё. Было бы лучше, если бы я оставил её. Что я любил тебя, а не её.

Я сказал «нет».

Она говорила, что правильнее всего было бы оставить её и взять тебя в жены. Что она видела, как я смотрел на тебя, и что я никогда не смотрел так на неё. Что я хотел тебя. Затем она бросилась прочь и закрылась в стенном шкафу. Я сказал: «Нет, этого не будет никогда!»

Она кричала из стенного шкафа и плакала, едва сдерживая слёзы, с которыми она, казалось, борется, и от этого её рыдания вызывали во мне ещё большее волнение. Я сидел на супружеском ложе, словно поражённый громом. Уставился в пол. Начал думать, не попытаться ли мне отполировать эти проклятые половицы. Чёртовы доски начали отслаиваться и трескаться, и из-за них заноза

вполне могла впиться в ногу.

У меня была тяжесть на сердце, когда по округе стала распространяться злобная клевета; или – как бы это сказать? – клевета превратилась в большой воздушный пузырь вокруг моего сердца. Меня раздражали повседневные занятия, я был брюзглив и нетерпелив и не знал, как справиться с тем, что кипело во мне. Мне казалось, что люди смотрят на меня с подозрением. «Проклятый прелюбодей», – я читал это во взглядах соседей, когда заходил в Кооператив или в церковь. Унн отдалилась от меня, возможно, потому, что я стал резким и меня раздражали её домашние рыдания. Во мне проснулось насекомое, жаждущее опрыскать своим желудочным соком событие, сладость которого была у всех на устах, но которое мне так и не довелось испытать, хотя с ним было связано моё имя. Я стал думать о тебе, милая Хельга. Вот так они создали тебя, и нет ничего удивительного в том, что слухи стали распространяться. Распространяя слухи, они говорили о своих собственных помыслах.

Каждый раз, когда я приходил к вам с Хатльгримом, чтобы одолжить лекарство от глистов или от диареи у скота или сделать ещё что-то, что мог сделать друг, сосед и смотритель общины, Хатльгрим был на востоке, во фьордах, «объезжая», как ты выражалась, «нечто большее, чем кобыла». Ты была одна на ферме с двумя детьми, и мои мысли были примитивны. Одному Богу известно, какой малой песчинкой[8 - Аллюзия к «Старшей Эдде» («Речи Высокого», строфа 53): «У малых песчинок, у малых волн мудрости мало; не все мудрецы, – глупых и умных поровну в мире» (перевод А. Корсуна).«У малых песчинок,у малых волнмудрости мало;не все мудрецы, —глупых и умных поровну в мире»перевод А. Корсуна).] я ощущал себя после того, как распространилась весть о событии, не имевшем место. Мне было горько оттого, что меня обвинили, а я не вкусил очищающей сладости преступления.

3

Стоит ли удивляться тому, что я думал о тебе всякий раз, когда все уходили собирать овец в горы Фетль? Говорил ли я уже, что чувствовал себя так, будто попал в пучину, когда поползли слухи? Это было в ту осень, когда мы вместе шли по краю Лысого Ущелья вслед за другими фермерами, участвовавшими в

поисках овец. Я знаю, это был Ингяльд с Холма, он первым начал нести вздор о начале наших отношений. Ему должно было быть стыдно распускать слухи и намекать на других. С его отцом, Гвюдмюндом, связана одна известная всем история. В то время на ферме Холм жили две семьи, и в доме было так тесно, что все делили одну кровать, которая стояла в комнате, служившей одновременно и кухней, и спальней. Гвюдмюнд якобы обратился к жене Баурда, когда та прижалась к нему однажды вечером, и сказал: «Ты ли это, моя Сигрид? Но с кем же тогда забавляется Баурд?» Не в ту ли ночь был зачат Ингяльд?

Возвращаясь мысленно к тем временам, я без стыда вспоминаю наши отношения, которые начали развиваться вскоре после того, как клевета лишила меня покоя. Можно сказать, что я совершенно потерял стыд, как настоящий дамский угодник. Как я это помню, я позволил себе дать ход своим чувствам. Вместе с тобой.

Постепенно расстояние между Унн и мною увеличивалось, и между нами не было той близости, которую следовало бы скрывать. Она, конечно же, всегда была на месте, выполняла свою работу без суеты, подбирая для всего соответствующее выражение: «Первой на пастбище гибнет самая красная роза», – так она прокомментировала мое намерение отправить первыми на бойню самых больших ягнят, чтобы их забили, мелко нарезали, посолили и продали в Норвегию. «Что ж, да пребудут со мною ангелы Божьи» означало: «Сейчас я пойду спать». «Многие судят человека по себе», – объявляла она, когда что-то говорилось о людях с Холма или с соседних ферм. Как будто ничего нельзя было сказать! В наших разговорах ощущалась неловкость. Вся манера её поведения стала механической и предсказуемой, как у прядильного станка, за которым она работала на досуге. Громкий ритмичный звук, чётко разбитый на такты. Она всегда говорила одно и то же, в своей манере, бесстрастно. Она прекрасно справлялась с работой хозяйки фермы, у неё был удивительно намётанный взгляд на овец, поэтому она знала, какие головы от каких ягнят не только до, но и после того, как головы были сварены и свид[9 - Свид (исл. sv??) – блюдо исландской кухни (баранья голова, очищенная от шерсти и сваренная; как правило, хозяйки добавляют в вар приправы по своему вкусу.] был на столе. При этом нас как будто связывала какая-то нить, хотя и с множеством узелков. Она готовила на зиму кровяную колбасу, делала соленья и маринады (пока не подоспела морозильная камера), варила варенья, коптила мясо и рыбу, и делала всё с большим усердием. Женщина редко управляется с коптильнями, но я если и приближался к ним, то не иначе как помогая Унн с засолкой и подготовительной работой. Исключением был круглопёр. Это было полностью моим делом. В глазах Унн всё, кроме работы, было тратой времени, самой

неприглядной.

Однажды к нам пришли гости: Финн Птицелов, как его называли, со своими четырьмя сыновьями, которые, как и он, отлично охотились на морских птиц и хорошо спускали канат по отвесным скалам птичьего базара при сборе яиц. Я помню, у Финна совсем закончился табак, а в Кооперативе табак был распродан. Мы пошли в загон для овец, где я собрал для Финна листья с сена; Финн засунул их в трубку и был на высоте блаженства, когда пил кофе на кухне, потягивая трубку. Это был старый способ выйти из положения, и мы в шутку говорили, что сено – это табак трудных времён. Затем в Кооперативе появились сигареты «Коммандер», и после этого никто уже не видел, чтобы Финн курил что-то другое. Нет сомнений в том, что именно Финн Птицелов научил меня курить «Коммандер». Ну, довольно об этом. Финн расспрашивал меня об обществе чтения, где я отвечал за покупку книг. Тогда мы читали «Сагу о Стурлунгах»[10 - «Сага о Стурлунгах» (исл. Sturlunga saga) – корпус так называемых «саг о современности» (исл. samt??ars?gur), составленный Стурлой Тордарсоном (исл. St?rla ?or?arson, 1214–1284) и названный в честь влиятельного рода Стурлунгов, вышедшего на политическую арену в XIII веке, в конце эпохи народовластия (1220–1262). «Сага о Стурлунгах» была составлена около 1300 года, и тексты, вошедшие в компиляцию, были записаны примерно тогда, когда происходили описываемые в них события. В состав «Саги о Стурлунгах» входит «Сага об исландцах», являющаяся важнейшим источником сведений об эпохе Стурлунгов. В саге рассказывается о событиях с 1183 до 1264 года, эти события отражают борьбу за власть между могущественными исландскими кланами: Стурлунгами, Асбирнингами, людьми из Одди и людьми из Ястребиной Долины. В этой борьбе победил Гицур Торвальдссон, представитель могущественного рода людей из Ястребиной Долины.], и я рассказывал ему о том, что обсуждалось в читательском кругу. Например, когда Гицур спасся, спрятавшись в бочке с сывороткой, разгорелись жаркие споры о том, могло ли такое случиться на самом деле, или же рассказ о сожжении был впоследствии приукрашен. По какой-то причине Унн воспринимала всё это весьма превратно, и каждый раз, когда я отправлялся на собрание общества чтения, я, по её словам, шёл читать о «Гицуре в бочке с сывороткой»[11 - Речь идёт о Гицуре Торвальдссоне (исл. Gissur ?orvaldsson, 1208–1268), ховдинге Исландии, получившем титул ярла Исландии от конунга Норвегии, по приказу которого Гицур организовал убийство величайшего политического деятеля, поэта и историографа Исландии Снорри Стурлусона и подчинил Исландию норвежскому конунгу. В «Саге об исландцах» рассказывается, как родичи Стурлы Сигхватссона, предка Стурлунгов, сожгли палаты Гицура в селении Мошкарное Болото (исл. Flugum?ri) в качестве мести за то, что люди Гицура убили Стурлу. В пожаре погибли жена Гицура и его

сыновья, но Гицур спасся, спрятавшись в бочке с сывороткой. Гицура спасло то, что он закрывал живот от копий, когда враги протыкали копьями бочку, и не дрожал, окоченев от холода.]. Когда я поднимался на чердак, чтобы посмотреть недавно поступившие книги, которые я до этого заказал на юге, в Рейкьявике, она спрашивала новости о Гицуре в бочке с сывороткой, когда я спускался вниз. Унн повторяла этот свой припев при каждой возможности, как только речь заходила о книгах. Всё говорило о том, что культура и литература были для неё ненужной роскошью, и стыдно было уделять этому внимание, поскольку тем временем человек отлынивал от работы.

У её предков из Долины Мутной Реки[12 - (исл. Bl?ndudalur)Мутная Река (исл. Blanda) – ледниковая река на северо-западе Исландии; (исл. blanda – раствор, смесь воды и кислой сыворотки).] не было склонности к чтению. Они больше заботились о теле, чем о душе, и предпочитали всему работу. Между тем устные рассказы не содержат сведений об их благородстве. Дед Унн в своё время прославился тем, что удержал с работницы своей фермы пятьдесят эйриров за то, что та уронила ночной горшок и впустую растратила старую мочу. Вот какой драгоценной была для них эта жидкость, в то время как с человеческими отношениями они не считались. Есть ещё одна история – раз уж я заговорил о людях из Долины Мутной Реки – о том, как мать Унн пекла хлеб. Людям показалось, что у хлеба какой-то странный вкус. Наконец кто-то сказал во всеуслышание, что у хлеба определённо привкус мочи, и все согласились. Хозяйка задалась вопросом о том, не взяла ли она случайно не то ведро, когда замешивала тесто. Она откусила кусок хлеба и долго его жевала, после чего сказала так: «Я не знаю, что это такое, но вкус удивительный».

Я потерял нить, милая Хельга. И у этого есть причина. В действительности мне неприятно говорить об этом.

Я, конечно же, знал, что за всем этим скрывалось нечто большее, что и объясняло отчуждение Унн; её поведение, казалось, говорило только об одном: я виновата.

Я понимал её и сочувствовал ей.

Я знал, что после операции работа стала для неё чем-то вроде смысла существования. Она наказывала себя за то, о чём не могла говорить откровенно. Она подавляла своё горе и страдания, а «скорбь сжигает сердце»[13 - Модификация словосочетания из строфы 121 «Речей Высокого», одной из песней

«Старшей Эдды»:«Советы мои,Лоддфафнир, слушай,на пользу их примешь,коль ты их поймёшь:дружбу блюдии первым её порвать не старайся;скорбь твоё сердцесожжёт, коль не сможешьдругу довериться»(перевод А. Корсуна).], как сказано в «Речах Высокого». Она не искала поддержки. Увещевания не трогали её. Она либо кричала и рыдала в стенном шкафу, пока я, остолбенев, смотрел на сучки в половицах, либо пряталась за прядильным станком и упорно вращала механическую прялку.

Я могу рассказать тебе короткую историю. Это было спустя некоторое время после того, как Унн вернулась домой из больницы. У нашей коровы появились признаки мастита. Левое вымя распухло, и молоко в нём сворачивалось и превращалось в творог. Нужно было найти этому объяснение, и я ломал голову над причиной болезни до тех пор, пока однажды не стал свидетелем этой причины, когда натягивал леску на другой стороне коровника, у фронтона. Унн не знала, что я там.

Она начала доить нашу Хухпу и делала это по всем правилам, но через несколько секунд я услышал брань и ругань, и присмотревшись, я увидел, как Унн толкала и била коровье вымя пальцами, наполовину сжатыми в кулаки; она проклинала бедную скотину и называла её бранными именами, поскольку корова не давала молока так быстро и так охотно, как этого ждала Унн. Не будучи в состоянии наблюдать за этим, я вошёл в коровник, и Унн получила возможность узнать, что я об этом думал. Она нервно пнула ведро и выбежала, подавляя рыдания.

Однако я был ей хорошим мужем, не сомневайся в этом. Снова и снова я спрашивал, не хочет ли она поговорить о том, что произошло, и не можем ли мы посоветоваться с экспертами на юге, в Рейкьявике, но дело не сдвинулось с мёртвой точки.

Унн покинула меня в материальном мире. Несомненно, любые ласки и прикосновения только напоминали ей о том, на что она теперь была неспособна, и поэтому она старалась не вызывать у меня желания. Стыд сломил её как личность. У меня не было возможности даже намекнуть на операцию или сказать о том, что можно вернуться к врачам и сделать ещё одну операцию, которая улучшила бы состояние Унн. Было ясно, как день, что медицинские процедуры внизу брюшной полости можно было бы выполнить гораздо лучше. Однако всё говорило о том, что Унн восприняла ошибки врачей как судьбу, предопределённую и непреложную, так, как будто она не заслуживала ничего

другого. Когда я упоминал операцию, её реакция всегда была одной и той же. Сначала она закрывалась в стенном шкафу, где кричала и рыдала, потом выходила бледная, как сухая трава, не говоря ни слова. В конце концов, кровь возвращалась к её лицу, и она начинала вращать рукоять механической прялки так сильно, что оси дымились. Она могла так работать до бесконечности. Из-за такой её реакции я перестал говорить об операции. Однако я прожил достаточно долго, и у меня достаточно здравого смысла, чтобы знать, что врачи тоже ошибаются. Людям свойственно ошибаться. В противном случае они не были бы людьми.

4

Пришёл декабрь, и я помогал тебе со случкой овец. Я приехал, как мы и договаривались, со своим племенным бараном Кутом[14 - Кут (исл. K?tur) – Толстяк.], сокровищем из Ледниковой Долины. Я помню, что это было в праздник Святого Амвросия, и мой комбинезон пах глицерином, поскольку накануне я ездил в Стад к Гёюти и ремонтировал его трактор Интернэшнл[15 - Интернэшнл (англ. International) – сокращенное название американской производственной компании International Harvester, которая была основана в 1902 году и до конца 1970-х годов оставалась ведущим производителем сельскохозяйственной техники и грузовых автомобилей. Первые тракторы, попавшие в Исландию, были выпущены компанией International Harvester (см. комментарии в сноске 6). Таким образом Интернэшнл – это торговая марка производителя.].

С первых слов ты стала ругать Хатльгрима, который был занят «кобылами на востоке». Было очевидно, что у вас с ним проблемы. Хатльгрим взвалил на твои плечи слишком много работы по хозяйству и совсем не давал тебе тепла, когда был рядом. Да, я должен сказать так, как есть: он был никудышным фермером, этот Хатльгрим, и явно был намного хуже своего отца, ведь немало историй рассказывают о его отце, старом Йоунасе: у него была уйма земли на ферме У Всех Ветров[16 - Ферма называется буквально «Неустойчивая Погода» (исл. Alvi?ra). Можно также перевести название как «У Всех Ветров», поскольку погода в Исландии во многом определяется силой и направлением ветра.

Селение У Всех Ветров (Альвидра) упоминается в «Саге о Гисли».], и говорят, что трава росла у него лучше, чем у любого другого фермера.

Да, я помогал тебе со случкой овец до того самого дня в середине зимы – тогда земля ещё не покрылась снегом – старался всегда быть рядом как друг и как смотритель общины Алтарной Реки. Я медленно ехал по проселочной дороге вдоль океана на старом тракторе Фармэл – с Кутом в прицепе – по Ягнячьим Отмелям, по твёрдым, сухим лугам, всегда припорошённым снегом, до скал Скорар. Мимо Кровавого Склона, где, как говорят, в Средние века подросток перерезал себе горло и истёк кровью. Вокруг тех скал вьётся ползучий тимьян[17 - Исландское название тимьяна представляет собой сложное слово, первый компонент которого значит «кровавый» (исл. blo? – кровь; исл. blo?berg – тимьян ползучий). Таким образом, название растения ассоциативно связано с Кровавым Склоном и с содержанием средневекового предания.], и всякий раз, когда я прохожу мимо этого места, меня охватывает глубокая дремота.

Я смотрел на Детские Шхеры; в давние времена орлицы приносили туда маленьких детей, утащив их с родных полей, и спокойно поедали их, пока матери кричали на берегу, но ни одна лодка не могла подойти к шхерам из-за прибоя. Кто не слышал пронзительных детских криков, доносящихся с тех шхер сквозь туман и северный ветер? Затем я медленно проехал мимо того места, которое называют Покровом Фрейи[18 - В скандинавской мифологии Фрейя – богиня любви и плодородия, дочь Ньёрда и сестра Фрейра.]; там ни с того ни с сего у мужчин восстает плоть, а у женщин ослабевают колени, когда они идут без сопровождения. Говорят, что раньше путники останавливались там на отдых и охотно предавались любовным утехам. Я ехал медленно, околдованный волшебством тех мест, и думал о тебе. Может быть, это была точка невозврата? Затем я проехал по ущелью и пересёк Узкодонный Ручей, тот чёртов ручей, который с давних пор служил границей между нашими фермами и, следовательно, между нами. Если бы не ручей, вся территория до реки Ивового Мыса относилась бы к ферме Колькюстадир; тогда не было бы ни фермы У Всех Ветров, ни Хатльгрима, и там не жил бы отец Хатльгрима Йоунас, а до него отец Йоунаса Кристин. Были бы только я и ты, моя Хельга. И Колькюстадир.

Дул северный ветер, и солнечные лучи сияли в снежных потоках, свисавших языками со снежных туч. При таких погодных условиях в тот год должно было быть больше ягнят. Ты сказала, что это суеверие, и напомнила мне, что твои овцы дали приплод и овечек оказалось гораздо больше. Я помню, как Кут закончил обслуживать готовых к спариванию овец и лизал соль в загоне, а ты

подошла ко мне и облокотилась на поручень, демонстрируя линии своей белой груди. Я ощупывал овец, оценивая их полноту, так как это входило в обязанности смотрителя общины. Мои пальцы погружались в толстую грубую шерсть, я прощупывал грудь, потом рёбра до хрящей на кончиках, но не обнаружил никаких изъянов. Затем я развернул овец задом, ощупывал поясницу, круп, чтобы проверить, нет ли худобы. Я осматривал грудную кость, после чего проходил по отросткам спинных позвонков сверху и по отросткам поясничных позвонков. А ты тем временем внимательно наблюдала за происходящим, и твои соски – эти красивые сучки сосны[19 - Сравнение тела женщины с сосной – это аллюзия к словесной культуре скальдов; названия деревьев женского рода используются в скальдических кеннингах женщины.] – тёрлись о верхнюю балку яслей. Я ощупал толстые мускулистые бёдра овец до скакательных суставов и понял, что овцы хорошо сложены и накормлены, и это сняло все сомнения в том, выдержат ли они зиму. А ты наклонилась вперёд, так что я мельком увидел грудь, и сказала невозмутимо, что я был великим гением прикосновения и чувства, и спросила, не знаю ли я, как использовать такое нежное прикосновение в обращении с женским полом.

«Ну, – сказал я, – мне кажется, что ты в отличной форме», и прежде чем я успел это осознать, я в шутку протянул руку к твоей груди; но в тот самый момент, когда я попытался это сделать, ты обнажила свою тяжёлую, хорошо оформленную грудь и велела мне смотреть, и это прозвучало так, как будто для тебя всё это было очень серьёзно. Я заметил румянец на твоих щеках. И это был не стыд, а чистый огонь, это был отблеск огня. Разве не так, Хельга?

Всепроникающее, всеобъемлющее плотское желание овладело мною, когда я увидел твоё обнажённое тело, ведь у меня наконец появилась возможность увидеть эти совершенные, полные жизни формы. Твои ободряющие слова вселили в моё тело огонь такой силы, что мне пришлось выйти на северный ветер, чтобы остыть. Я бродил по двору, и в тот момент я больше всего походил на старого барана, которого стащили с податливой овцы, когда процесс был в самом разгаре.

Но я был твёрд. Одному Богу известно, какое это было тяжёлое бремя. Когда наступило лето, я остывал в ручье за фермой; я обнажался и пытался погасить огонь своей плоти, купаясь в холодной воде. Я сочинил короткий стишок, который никому не рассказывал, но сейчас расскажу его тебе, потому что ты была причиной моего вдохновения:

Волшебный звон

Возвестил о любви

В вершинах гор.

Шелк её локонов

Воды омыли

В горных ручьях.

Попытка охладиться в воде имела противоположный эффект. Ещё не осознав этого, я – словно животное – занялся самоудовлетворением, но почему-то стыдился этого и всегда чувствовал, что на меня кто-то смотрит. Как будто я делал что-то дурное. Что было причиной этих мыслей? Много позже я догадался, что причиной моих мыслей были альвы, невидимые существа, спрятавшиеся в Населённых Скалах[20 - В оригинале скалы названы «Народными Скалами» (исл. Folkhamrar), однако смысл топонима заключается в том, что скалы населены невидимыми существами.] над ручьём, и я ощущал их присутствие. Разве им не забавно наблюдать за тем, как мы, несчастное людское племя, занимаемся самоудовлетворением? Может быть, они даже жалеют нас, попавших в ловушку собственной похоти.

Я понял, что мне никогда не удастся выбросить тебя из головы и я буду стремиться к тебе, пока дышу. Милая Хельга, сейчас, когда я пишу эти строки, во мне нет волнения. Я старик, которому нечего терять. Скоро весь мой огонь угаснет, и тогда я буду лежать с раскрытым ртом, заполненным коричневым гумусом. А не может ли быть так, что моё желание никогда не исчезнет? Может быть, я стану призраком и так и буду бродить с поднятым в воздух членом в ожидании удобного случая?

Ты зажгла во мне желание, которое росло и в любой момент могло разгореться в пламя без какого-либо повода. Если я видел плотную кочку или округлый травянистый холм, твои формы сливались с ними в моём сознании, так что я не воспринимал больше окружающий мир сам по себе – скорее я видел тебя во всех явлениях. Когда я увидел ягнёнка, жаждущего напитаться от своей матери, я увидел в нём самого себя. Вот как говорится в старом народном стишке:

Маленький барашек

Дорогу перешёл,

Нигде маму не нашёл,

Тогда он начал блеять.

Конечно, только я один знаю, где в этих местах находятся Кочки Хельги, и когда я умру, я унесу с собой это название. Кочки на южной стороне склона у Пешеходного Перевала похожи на точный земляной слепок твоей груди, хотя и увеличенный в размерах. Создаётся впечатление, что кочки с одинаковыми ложбинами сверху и крутыми закруглёнными краями сделаны по тому же образцу, что и твоя грудь, руками одного мастера. Как часто я лежал на Кочках Хельги, когда светило солнце и дул юго-западный ветер; положив голову между кочками, похожими на грудь, я представлял себе, что нахожусь в твоих объятиях. В эти моменты твой образ возникал в моём воображении, я видел, как ты едешь на чёрном коне обнажённая, и наблюдал, как твоя грудь медленно покачивается в такт аллюру. Или ты стояла, как великанша Гьяльп[21 - В «Младшей Эдде», в «Языке Поэзии», упоминается великанша Гьяльп, которая стоит в горном ущелье поверх великой реки Вимур; Гьяльп упирается ногами в оба берега и спускает в реку мочу, вызывая тем самым подъём воды в реке. Древнескандинавскому богу Тору пришлось перейти вброд реку Вимур, когда он держал путь к дому великана Гейррёда, отца великанши Гьяльп. Река поднялась так высоко, что её воды закрыли плечи странствующего бога.] из «Младшей Эдды»[22 - «Младшая Эдда» – учёный трактат, посвященный искусству скальдической поэзии, известный также как «Снорриева Эдда», трактат написан в 1222–1225 годах, он был задуман как учебник для начинающих поэтов, его автором является исландский скальд, историограф и политический деятель Снорри Стурлусон (исл. Snorri Sturluson, 1178–1241).]: поверх реки, упираясь ногами в оба берега и заставляя реку подниматься так сильно, что я беззаботно плавал в твоём тёплом благоухающем потоке. И так я лежал, человек, которого каждый житель сельской общины считал распутным обманщиком, и в этом было давление, которое лишь усугубляло моё влечение и заставляло меня стремиться к тебе ещё сильнее. И всё же я держался стойко.

Я вспоминаю, как однажды погода сделалась на редкость скверной: холод, сырость и резкий северный ветер; из-за этого я не мог войти во фьорд и оставался в лодке со скиром, который приготовила Унн. Когда непогода смягчилась, я снова взялся за вёсла и продолжил путь с кадками, заполненными замороженным скиром. Что бы ты думала? Северный ветер сменился юго-западным и сильным штормом, ветер дул мне прямо в лицо, а волны

захлёстывали лодку. Незадолго до этого я поднял борта, купил небольшой мотор и установил его в лодке, и, если бы не это, я исчез бы в тот день в глубинах фьорда. Я вынужден был бороться за жизнь и черпал воду из лодки, одновременно следя за курсом и направляя лодку к берегу; долгое время я пробивался вглубь фьорда против течения и ветра. Я помню, о чём я тогда думал, да, сейчас я могу рассказать тебе об этом; я не особо переживал о том, что могу пойти на дно, гораздо хуже было то, что у нас с тобой так и не было близости. В этой бренной жизни это был единственный напиток, которого я не отведал и сожалел об этом, – а может быть, желания человека, если их постоянно подавлять, становятся сильнее перед лицом смерти. И моё плотское желание не ослабло после того, как я посмотрел на вашу ферму.

«Свежий незамороженный скир с фермы Колькюстадир», – написал продавец Йенс на доске для объявлений, которую он повесил в Кооперативе. Ещё долгое время люди посмеивались над ходом мысли старого Йенси.

5

Затем пришла весна, у твоих овец появились струпья, и ты позвала меня, чтобы я помог искупать овец в растворе Вальца[23 - Раствор Вальца – жидкость для лечения овец от чесотки, возбудителем которой являются клещи. Немецкий ветеринар, господин Вальц, идентифицировал клеща как возбудителя чесотки у овец (Walz, 1809). Несмотря на то, что клещ виден невооружённым глазом, он не был идентифицирован как причина чесотки до 1809 года.]. Той весной депутат от нашего округа не приехал, хотя он всегда это делал перед выборами. Мы обсуждали это, собравшись на площадке у Кооператива. Гюннар со Стадного Мыса спросил, не лучше ли проголосовать за кого-нибудь другого, раз депутат от Прогрессивной партии больше не показывается в округе.

«В Бога верят, даже не видя его», – сказал Гистли с фермы Ручей и с силой высморкался в платок. На этом вопрос был закрыт.

Хатльгрим был на севере страны, где он объезжал лошадей, а твои дети учились в школе-интернате. Ты была одна. На ферме. Я получил чёткие инструкции от Ассоциации фермеров о том, как бороться с чесоткой у овец в зависимости от того, какие клещи были её возбудителями: зудни или клещи-накожники.

В общине Алтарной Реки была так называемая переносная ванна, её оплатила администрация округа. Ванну можно было легко перемещать на деревянных слегах, изготавливаемых на заказ; их сравнивали с жердями, которые закрепляли на спинах лошадей для перевозки тяжёлых грузов, и в шутку называли носилками. В общине был также огромный чан, и в нём было восемьдесят литров купленной где-то старой коровьей мочи с резким запахом, и ещё была большая алюминиевая банка. Я отправился к тебе с ванной, чаном и банкой, погрузив всё это на прицеп. Был влажный весенний день, и ручьи струились серебряными нитями по всем склонам. Меня всегда считали эксцентричным, поскольку я шёл своим путём во всём, что касалось овцеводства. Я не хотел пускать на ветер старые знания, накопленные в ходе развития и укрепления отрасли. Из Рейкьявика пришли чёткие инструкции, предписывавшие использование разбавленной мочи в качестве раствора для купания овец, но я предпочёл следовать предписаниям Магнуса Кетильссона[24 - Магнус Кетильссон (исл. Magn?s Ketilsson, 1732–1803) – исландский писатель и издатель; он учился в Копенгагенском университете, после чего руководил исландской издательской компанией Hrappsey Press. Магнус оказал влияние на развитие исландской орфографии и грамматики. Его называют лидером неоклассического просветительского движения в Исландии. В 1754 году он стал начальником сислы (округа) Даласисла.], начальника округа; придерживаясь его рецептуры, я бросил в неразбавленную мочу морские водоросли и древесную золу, а потом добавил дёготь, старую человеческую мочу и табачные листья. В этом был залог успеха. Мы приготовили раствор и разогрели его в камине старого дома у тебя на ферме; когда мы вылили всё это в старую добрую переносную ванну, установленную в центре загона, мы искупали в ней овец. Ты, без сомнения, хорошо помнишь эту процедуру. Когда ты пыталась втереть раствор в овечью шерсть, раствор забрызгал твою блузку, а я в это время пытался удержать овец, следя за тем, чтобы жидкость не попала им в нос и в рот.

Эти картины всплывают в моей памяти, и я живо представляю себе тот момент, когда я вылил жир полярной акулы на хребты последних ягнят. Я вижу, как ты стала снимать блузку, и свет из оконного отверстия, где стояли лекарства, падал прямо на твою грудь, так что грудь отбрасывала тень. Я видел чресла, расширяющиеся вниз от талии, и я застыл как заворожённый, мой взор

растворился в этом образе. Никогда ещё я не видел ничего, что превосходило бы красотою это зрелище, быть может, за исключением того момента, когда однажды в конце августа я сидел в кустах диких ягод на Холме Шишке[25 - Холм Шишка (исл. K?luholt) – шарообразный холм, холм в форме шишки; исл. K?la – шар, шишка. исл. Tunga, ж.р. – коса, мыс]. Глядя вниз на каменистые склоны и насыпи гравия у подножия холма, я увидел, какими красивыми были луга на Мысе Тунга[26 - исл. Tunga, ж.р. – коса, мыс] после сенокоса; они были украшены густым ярко-зелёным сочным сеном на трёх гектарах, которые я вспахал и засеял на своём тракторе Фармэл, купленном через Ассоциацию. Я был первым в округе, кто приобрёл трактор таким образом. Этот зелёный клочок земли был похож на слоновую кость, врезанную в дуб, как люди говорили о боге Торе[27 - Тор (исл. ?orr) – бог-громовержец, сын Одина, верховного бога скандинавского пантеона, Тор ассоциируется с силой, громом и молниями, он любил ездить на Восток и бить великанов. В прологе к «Младшей Эдде» сказано, что бог Тор «выделялся среди других людей красотой, как слоновая кость, врезанная в дуб» (Перевод О.А. Смирницкой).], когда увидели его; у меня не было нужды возделывать эту землю, поскольку сам я никогда не возил сено с Мыса Тунга, нет; я собрал сено в стог высотой от трёх до четырёх локтей и длиной от восемнадцати до двадцати локтей и накрыл стог парусом; стог был резервом на случай, если кому-то не будет хватать сена в конце зимы. Наверняка на многих фермах весной не будет сена: я это знал как смотритель общины.

Без этого не обошлось; стог на Мысе Тунга исчез, к началу лета от него не осталось ничего, кроме растянутого на земле паруса. Я не услышал ни единого слова благодарности, хотя каждую осень в течение семнадцати лет я в одиночку укладывал сено в стог на Мысе Тунга. Именно так. «Кровью исходит сердце у тех, кто просит подачек»[28 - Слова из «Речей Высокого», песни «Старшей Эдды», строфа 37:«Пусть невеликтвой дом, но твой он,и в нём ты владыка;кровью исходитсердце у тех,кто просит подачек»(перевод А. Корсуна).], – так говорится в «Речах Высокого», и, возможно, люди не хотели признавать свою зависимость от кого-то другого. А я зависел от тебя. Я понял это, увидев тебя в луче света, проходившем через маленькое окошко; тогда ты была похожа на самку лосося, опустившуюся на дно для нереста, ты пахла старой мочой и табачными листьями.

Потом мой внутренний барьер рухнул, и всё хлынуло наружу, как из насоса. Я рассказал тебе о том, что случилось с Унн. Её отправили на обследование в Рейкьявик после того, как она в течение длительного времени страдала от боли в животе. Доктора заподозрили у неё опухоль и видели единственный выход в том, чтобы удалить орган, хотя у нас ещё не было детей. «Их

инструменты вонзились в меня, и они всё удалили», – сказала мне Унн, едва не плача.

Разве у неё не спросили её мнения?

Нет, она ничего не могла сказать; никто её ни о чём не спрашивал, и она была одна в больнице, перепуганная до смерти, потому что я не мог оставить животных.

Через несколько месяцев после операции, когда она должна была уже выздороветь и я поехал навестить её, выяснилось, что её зашили так, что при любом прикосновении к низу живота она испытывала сильную боль. Вот с чем они оставили её, эти чёртовы белые халаты. Они зашили всё так плотно, что туда ничего нельзя было просунуть. Хорошо, что они не удалили ей вообще все внутренности! Это были тяжёлые дни. Ей было стыдно, и она вырвалась из этого кошмара, заливаясь жгучими слезами.

Однажды в приступе ярости она с криком выбежала на прилегающий к дому луг в ночной рубашке, а я бежал за ней в одних ботинках и длинном нижнем белье. Что я должен был сказать ей? Можно было подумать, что я угрожал ей телесными повреждениями и бежал за ней с ножом, в то время как на самом деле я по глупости упомянул операцию, когда мы легли спать. К счастью, в ту ночь никто не смотрел в окно. Теперь я могу рассказать тебе об этом.

Я уже говорил, что предлагал ей попросить других врачей провести осмотр, чтобы узнать, можно ли всё это исправить, но всякий раз было одно и то же. Её реакция была отрицательной. Она говорила, что я могу зарезать её как кладеную овцу. Потом закрывалась в стенном шкафу в спальне и начинала рыдать так сильно, что скрипели стропила. Я смотрел на сучки в бревнах в недоумении. Никогда в жизни я не видел такого поведения.

А потом, когда я оплакивал происходящее в твоих объятиях, ты произнесла эти слова. Меня взволновали не сами слова, а то, как всё это было; в тяжёлом и сладостном благоухании мочи ты прижала мою голову к своей груди, к своим святым кочкам, и сказала низким и глубоким голосом, напоминающим звук ветра в ущелье: «Люби её – через меня». Любить её через тебя! И моя голова упёрлась в твою тяжёлую грудь – ну какой мужчина смог бы выдержать такое обращение?

Моя милая Хельга, может быть, ты сочтёшь за грубость мои воспоминания и то, что я пишу тебе о них. Мне нет никакого дела до уважения и репутации. Зачем человеку подобные вещи, когда его путь завершён? Признаюсь, я не могу припомнить, чтобы когда-либо в жизни я испытывал такое земное блаженство, как в минуты нашей близости в овечьем загоне в тот бесконечный весенний день. Когда я наконец получил возможность прикоснуться к твоим плавным изгибам и утонуть в твоих чувственных губах в тот радостный, мимолётный момент моей жизни. Произошло то, что произошло. Я спустил брюки, и ты сбросила с себя всю одежду, обнажив грудь и треугольный хохолок на тазобедренном суставе, и побежала в загон, а я бежал вслед за тобой в порыве страсти. Твоё тело дрожало и сотрясалось подо мной в куче сена. Это было словно прикосновение к самой жизни. Ты стонала так громко, что это, наверное, было слышно на ферме, но меня это не волновало. Я не повёл бы ухом, даже если бы все клеветники общины Алтарной Реки подошли к двери загона, распуская слюни и нюни, чтобы воочию убедиться в том, чем мы там занимаемся в стоге сена. Так плавно двигалась твоя белая грудь, словно над телом поднимались лёгкие волны, какие бывают в тихую погоду. Более красивого зрелища я никогда не видел. Я так долго этого ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Стефаун Хёрд Гримссон (исл. Stefa?n Ho?r?ur Gri?msson, 1919–2002) – исландский поэт. Первый сборник его стихов «Окно на север» (исл. «Glugginn sn?r ? nor?ur») вышел в 1946 году, второй сборник «Пляска чёрных альвов» (исл. «Svartalfadans») был опубликован в 1951 году, сборник вызвал восхищение читателей и привлёк внимание критиков. Свой третий сборник стихов «Ворота

на равнине» (исл. «Hli?in a slettunni») Стефаун Хёрд выпустил лишь спустя девятнадцать лет, в 1970 году, а одиннадцатью годами позже, в 1981 году, появился сборник «Пути» (исл. «Farvegir»). В 1987 году был опубликовал сборник «Связи» (исл. «Tengsl»), номинированный на литературную премию Северного совета. В том же году вышел шестой сборник стихов Стефауна Хёрда «После ясного утра» (исл. «Yfir hei?ann morgun»), получивший исландскую литературную премию, учрежденную Ассоциацией исландских издателей. Сборник «После ясного утра» стал первым изданием, получившим эту премию. Поэзия Стефауна Хёрда переведена на многие языки мира, его стихи опубликованы как в Исландии, так и за рубежом.

2

Стихотворение из последнего сборника стихов Стефауна Хёрда Гримссона «После ясного утра» (исл. «Yfir hei?an morgun»).

3

«Дворы Кольки» (исл. Kolkusta?ir); Колька (исл. Kolka) – исландское женское имя, которое используется и как фамилия лиц обоих полов.

4

(исл. en komi hann s?ll ?a? hann vill)

Слова представляют собой модификацию последней строки из псалма Хатльгрима Пьетюрссона «О неопределённом времени смерти» (исл. «Um dau?ans ovissan t?ma»), где поэт обращается к Смерти: «Благоприветствую тебя, приходи, когда хочешь» (исл. «Kom ?? s?ll, ?a ?? vilt»). Нередко в качестве названия этого псалма используется его первая строка: «Всё как один цветок»

(исл. «Allt eins og blomstri? eina»).

Хатльгрим Пьетюрссон (исл. Hallgr?mur Petursson, 1614–1674) – исландский поэт и проповедник; «Страстные псалмы» (исл. «Pass?usalmar») – самое известное сочинение Хатльгрима. К числу «Страстных псалмов» относится и псалом «О неопределённом времени смерти» (исл. «Um dau?ans ovissan t?ma»).

5

Община (исл. hreppur) – единица административно-территориального деления Исландии. В данном случае слово употреблено метафорически.

6

Фармэл (англ. Farmall) – одна из моделей первых тракторов, выпущенных американской производственной компанией International Harvester (см. комментарии в сноске 15).

7

Имеется в виду Халльгерд Длинноногая (исл. Hallger?ur Langbrok), персонаж «Саги о Ньяле». В саге сказано, что Халльгерд была красивой девушкой, но нрав у неё был вспыльчивым и тяжёлым. Нрав Халльгерд раскрывается во многих эпизодах; в качестве примера можно привести следующие события. В главе 35 «Саги о Ньяле» рассказывается о том, что Халльгерд отказывается уступить место на женской скамье по просьбе Бергторы, жены Ньяля, находясь при этом в гостях, в доме Ньяля и Бергторы; Халльгерд ссорится с Бергторой, а после ссоры она подстрекает своего мужа Гуннара к мести. В главе 37 «Саги о Ньяле» рассказывается, как Халльгерд отказала в помощи своему мужу Гуннару, вспоминая о полученной от него пощёчине, после чего Гуннар погиб, но до

момента своей гибели Гуннар сказал Халльгерд, что «всякий по-своему хочет прославиться». Халльгерд была известна как ненадёжная, неуступчивая и неспособная прощать женщина, которая принесла много горя, сгубила своих мужей и стала причиной ряда убийств.

8

Аллюзия к «Старшей Эдде» («Речи Высокого», строфа 53): «У малых песчинок, у малых волн мудрости мало; не все мудрецы, – глупых и умных поровну в мире» (перевод А. Корсуна).

«У малых песчинок,

у малых волн

мудрости мало;

не все мудрецы, —

глупых и умных поровну в мире»

перевод А. Корсуна).

9

Свид (исл. sv??) – блюдо исландской кухни (баранья голова, очищенная от шерсти и сваренная; как правило, хозяйки добавляют в вар приправы по своему вкусу.

10

«Сага о Стурлунгах» (исл. Sturlunga saga) – корпус так называемых «саг о современности» (исл. samt??ars?gur), составленный Стурлой Тордарсоном (исл. St?rla ?or?arson, 1214–1284) и названный в честь влиятельного рода Стурлунгов, вышедшего на политическую арену в XIII веке, в конце эпохи народовластия (1220–1262). «Сага о Стурлунгах» была составлена около 1300 года, и тексты, вошедшие в компиляцию, были записаны примерно тогда, когда происходили описываемые в них события. В состав «Саги о Стурлунгах» входит «Сага об исландцах», являющаяся важнейшим источником сведений об эпохе Стурлунгов. В саге рассказывается о событиях с 1183 до 1264 года, эти события отражают борьбу за власть между могущественными исландскими кланами: Стурлунгами, Асбирнингами, людьми из Одди и людьми из Ястребиной Долины. В этой борьбе победил Гицур Торвальдссон, представитель могущественного рода людей из Ястребиной Долины.

11

Речь идёт о Гицуре Торвальдссоне (исл. Gissur ?orvaldsson, 1208–1268), ховдинге Исландии, получившем титул ярла Исландии от конунга Норвегии, по приказу которого Гицур организовал убийство величайшего политического деятеля, поэта и историографа Исландии Снорри Стурлусона и подчинил Исландию норвежскому конунгу. В «Саге об исландцах» рассказывается, как родичи Стурлы Сигхватссона, предка Стурлунгов, сожгли палаты Гицура в селении Мошкарное Болото (исл. Flugum?ri) в качестве мести за то, что люди Гицура убили Стурлу. В пожаре погибли жена Гицура и его сыновья, но Гицур спасся, спрятавшись в бочке с сывороткой. Гицура спасло то, что он закрывал живот от копий, когда враги протыкали копьями бочку, и не дрожал, окоченев от холода.

12

(исл. Bl?ndudalur)

Мутная Река (исл. Blanda) – ледниковая река на северо-западе Исландии; (исл. blanda – раствор, смесь воды и кислой сыворотки).

13

Модификация словосочетания из строфы 121 «Речей Высокого», одной из песней «Старшей Эдды»:

«Советы мои,

Лоддфафнир, слушай,

на пользу их примешь,

коль ты их поймёшь:

дружбу блюди

и первым её порвать не старайся;

скорбь твоё сердце

сожжёт, коль не сможешь

другу довериться»

(перевод А. Корсуна).

14

Кут (исл. K?tur) – Толстяк.

15

Интернэшнл (англ. International) – сокращенное название американской производственной компании International Harvester, которая была основана в 1902 году и до конца 1970-х годов оставалась ведущим производителем

сельскохозяйственной техники и грузовых автомобилей. Первые тракторы, попавшие в Исландию, были выпущены компанией International Harvester (см. комментарии в сноске 6). Таким образом Интернэшнл – это торговая марка производителя.

16

Ферма называется буквально «Неустойчивая Погода» (исл. Alvi?ra). Можно также перевести название как «У Всех Ветров», поскольку погода в Исландии во многом определяется силой и направлением ветра. Селение У Всех Ветров (Альвидра) упоминается в «Саге о Гисли».

17

Исландское название тимьяна представляет собой сложное слово, первый компонент которого значит «кровавый» (исл. blo? – кровь; исл. blo?berg – тимьян ползучий). Таким образом, название растения ассоциативно связано с Кровавым Склоном и с содержанием средневекового предания.

18

В скандинавской мифологии Фрейя – богиня любви и плодородия, дочь Ньёрда и сестра Фрейра.

19

Сравнение тела женщины с сосной – это аллюзия к словесной культуре скальдов; названия деревьев женского рода используются в скальдических кеннингах женщины.

20

В оригинале скалы названы «Народными Скалами» (исл. Folkhamrar), однако смысл топонима заключается в том, что скалы населены невидимыми существами.

21

В «Младшей Эдде», в «Языке Поэзии», упоминается великанша Гьяльп, которая стоит в горном ущелье поверх великой реки Вимур; Гьяльп упирается ногами в оба берега и спускает в реку мочу, вызывая тем самым подъём воды в реке. Древнескандинавскому богу Тору пришлось перейти вброд реку Вимур, когда он держал путь к дому великана Гейррёда, отца великанши Гьяльп. Река поднялась так высоко, что её воды закрыли плечи странствующего бога.

22

«Младшая Эдда» – учёный трактат, посвященный искусству скальдической поэзии, известный также как «Снорриева Эдда», трактат написан в 1222–1225 годах, он был задуман как учебник для начинающих поэтов, его автором является исландский скальд, историограф и политический деятель Снорри Стурлусон (исл. Snorri Sturluson, 1178–1241).

23

Раствор Вальца – жидкость для лечения овец от чесотки, возбудителем которой являются клещи. Немецкий ветеринар, господин Вальц, идентифицировал клеща как возбудителя чесотки у овец (Walz, 1809). Несмотря на то, что клещ виден невооружённым глазом, он не был идентифицирован как причина чесотки до 1809 года.

24

Магнус Кетильссон (исл. Magn?s Ketilsson, 1732–1803) – исландский писатель и издатель; он учился в Копенгагенском университете, после чего руководил исландской издательской компанией Hrappsey Press. Магнус оказал влияние на развитие исландской орфографии и грамматики. Его называют лидером неоклассического просветительского движения в Исландии. В 1754 году он стал начальником сислы (округа) Даласисла.

25

Холм Шишка (исл. K?luholt) – шарообразный холм, холм в форме шишки; исл. K?la – шар, шишка. исл. Tunga, ж.р. – коса, мыс

26

исл. Tunga, ж.р. – коса, мыс

27

Тор (исл. ?orr) – бог-громовержец, сын Одина, верховного бога скандинавского пантеона, Тор ассоциируется с силой, громом и молниями, он любил ездить на Восток и бить великанов. В прологе к «Младшей Эдде» сказано, что бог Тор «выделялся среди других людей красотой, как слоновая кость, врезанная в дуб» (Перевод О.А. Смирницкой).

28

Слова из «Речей Высокого», песни «Старшей Эдды», строфа 37:

«Пусть невелик

твой дом, но твой он,

и в нём ты владыка;

кровью исходит

сердце у тех,

кто просит подачек»

(перевод А. Корсуна).

Купить: https://tellnovel.com/birgisson_bergsveyn/otvet-na-pis-mo-hel-gi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити